Холоден октябрь в Вятке.

Ежедень гонит ветер листвяную рвань по уличному застылку, по хрустящим ледяным осколкам, в прохудины неба сыплет белой крупкой, задирает воротники, рвет пуговицы, разметывает в стороны полы пальто.

В такую перемесь дождя и снега и на улицу выходить нет никакой охоты, но порой надо: дела-заботы куда денешь? Или какой еще интерес случится нечаянным образом…

Вот так и мне выпало как-то в октябрьское непогодье от Спасского собора – с массивным деревянным крестом на месте порушенного купола, с пятнами сбитой штукатурки по поверхности древних стен, с дощатым оградительным проходом-козырьком на паперти, но уже возвышающим медленным, но верным темпом в паутине лесов красно-коричневую колокольню в три яруса – неволить себя по сиротливой улице, по овражному спуску торопливым сбегом. У Приказной избы тормознулся еще на мгновение, глянул вниз, в мутноту ближайшей дали – домов впереди словно и нет вовсе, зарешечены густо кронами бордюрных деревьев.

Прохожих вокруг никого, машина – и та в редкость. Потому не в боязнь, не в сумасбродь и вовсе вышагнуть на проезжую часть, на самую ее середину, где и мусора, и обледенелости поменьше. А следом и просто подчиниться увлекающему скольжению под горку, вбегутки, когда ничто от тебя не зависит, но все само собой и разумно сладится.

В эту растрепанную минуту и почувствовал я нахлыв душевного волнения, увидел взрывным озарением, зацепил внутренним слухом движение большой массы людей – и все навстречу, навстречу! Впереди фонарь-светильница, чуть поотсталь – крест, еще подалее – святые знамена с ликами Спасителя и Богоматери, хор певчих с ангельскими голосами, а следом – на наплечных носилках вся убранная сиреневыми цветиками, праздничная икона святителя Николая… А за ней крестоходцев многое множество – с пятнышками иконок на груди (издали и не различишь, чей образок, но и так верно догадаешься – чудотворца Мирликийского), с тяжелыми заплечными рюкзаками на долгую дорогу, с походными поролоновыми ковриками, закатанными в рулон, с лицами сосредоточенными, светлыми от легкой думки. И мужчин много, и молодых, есть и совсем маленькие дети: каждый свою котомочку безропотно несет, не тяготится…

Заглавие крестного хода, кажется, уже и миновало давно, хотя и нет за временем слежки, не до этого сейчас, а окончания числа трудников все нет и не видно: из-за повертки, от ворот Трифонова монастыря непрекращательно идут и идут люди. (Где-то, верно, и я там тоже – в выцветшей панаме, в неизменной зеленой штормовке, провожаемый на первых шагах женой.) И не отставшие, не притомившиеся какие: когда бы еще было устать, все только в самом начале.

Идут и идут, шаркая сапогами да кроссовками по сухому асфальту, облитые июньской солнечной теплотой: переговариваются кратко или в молитвословы глаза опустили. И от вида этого бесконечного мирного воинства Христова славно, сладостно на душе...

Три дня и две ночи томительной ходки до Великой реки еще предстоит, до праздника на сосновом обрывном берегу – под вёдреным небом, с жаром несносным, с доставучей мошкарой и звенящими комарами, или впротиву под черным небосклоном с пригрозой черного ливня стеной, а то и града, то и снега. И такое доставалось испытать православным за шестивековую историю ношения иконы великого Чудотворца, верного хранителя земли Вятской – и в старинные, легендарные времена, и в совсем недальние памятные годы.

Застятся слезно глаза в переживательную эту минуту откровения, рука перстами сама ко лбу тянется, потом к животу, к плечам… И голова покорно в поклон уходит, сгибая спину – ниже, ниже…

Долго, коротко ли прошло – различать недосуг, а вернулся в выпрямку – пинюгай не пинюгай, а нет никого в округе, было – не было видения богомольцев – никто не подтвердит, не усмехнется. Только знобно на сердце да по ногам гонит ветер выброски осенних деревьев.

Сон ли, явь ли – а вновь почти тихо над Засорой.

Тихо?.. А это что? Погрезилось в новый черед или задурманило, обнесло окончательно голову октябрьским лиховетром, только вновь различает остро воспаленный слух колокольный звон по всему городу, а к овражью поближе – приглушенное хоровое пение да топот сотен ног. Где-то поначалу в районе Кафедрального собора. А вот уже и на самой взгорочке, у Спасского храма…

Мокрый снег с ветром по-прежнему донимает до крайности терпения, упорным перегородом встает на проходе, лицо пощечинами бьет, затмевает четкость зрения. Лоб, глаза на мгновенье порой прикроешь, чтобы хоть немного поберечься. Но следом же и уберешь руку в опасливом беспокойстве – как бы что важное не упустить.

И, слава богу, не упустил – открывают ход причетники в стихарях с запрестольным крестом и хоругвями. За ними – по два в ряд –

выбранные по прилежанию и послушанию ученики духовного училища и семинарии с наставниками и инспекторами, следом – поющие догматики дьяконы в облачениях. После них следовали тоже двурядно двенадцать монахинь вятского девичьего Преображенского монастыря в мантиях, потом таким же порядком и в таких же одеждах двенадцать монахов вятского мужеского Трифонова монастыря. А уж в самом заключении – священники в белых облачениях, с самыми почитаемыми на Вятке святыми иконами – Спаса Нерукотворенного, Божией Матери Тихвинской, святителя Николая Чудотворца да архистратига Михаила, неизменно носимыми в местных крестных ходах, и бережно поддерживаемый с боков, в предшествии четырех дьяконов со свечами и кадилами настоятель слободского Крестовоздвиженского монастыря архимандрит Иероним… И еще чуть по отступе приличного расстояния – избранные члены всего вятского общества и все остальные жители рядового звания…

Невольный вопрос: куда же сие торжественное шествие направляется? Мимо Спасского собора, мимо Донской Стефановской церкви – к новостроенному Александровскому собору, чтобы совокупным ходатайством всей вятской Святыни, всего вятского населения содействовать к низведению на него благодати ожидаемого освящения.

Коли так, как же остаться в стороне от такого заметного события, возможно ли?.. Вот впотаях, бочком и прильнул словно к общему строю в замыкании, заспешил торопко следом по хрустящему ледком мусорному загребку.

К полудню или где-то скоро за ним провел освящение по чину святой церкви преосвященнейший Агафангел с архимандритами и протоиереями в подмоге, отслужил следом и Божественную литургию. И многолетие провозгласил: всему царствующему дому, всем жителям Вятки.

И все это время вокруг храма перетоптывалось грудно в молчаливом терпении огромное собрание народа: и велик был собор во имя благоверного князя Александра Невского, благолепен и просторен внутренним пространством, а все же и у него предел есть, невозможно всех жаждущих разом принять. Не порывался, кажется, и я всеми правдами-неправдами непременно проскользнуть, протереться хотя бы на паперть или на галерею – напротив того, выгадал минутку, отбежал чуть поодаль, в пустынную сторону, чтобы еще раз, не в торопливый случай, а в спокойную охотку восхититься этим витберговским чудотворением, душу свою побередить восторженной радостью…

Возведенный в центре обширной Хлебной площади, на сбеге Казанской и Семеновской улиц, храм этот – если бросить взгляд с севера, с холмов старых жилых кварталов – словно сказочный русский богатырь в белых ратных одеждах поднялся над городом бессменным заступником и твердым охранником. Такая доблесть и мощь читалась в нем, такая правда и красота всечасно тешила глаза... Да и с разных иных мест он был тоже изначально заметен, хоть бы и из-за реки, с заливного, заивленного берега – и огромным куполом-шлемом, и малыми колокольными главками. А уж если в ближайшем подступе оказался – то и вовсе нет слов от восторга.

И верно: с какой бы стороны ни подошел, ни подъехал к Александровскому собору – все едино, все гармонично в восприятии: портал, ажурная арочная галерея первого яруса, на которой хорошо укрыться в непогоду пасхальной ночи; сдвоенные окна, широкий фриз, обрамляю-

щий самый верх стен рядками балясин и ложными закомарами, переходящими на башни, – в плане этот второй ярус формировал по авторской задумке равноконечный крест; и, наконец, храмовое завершение – голубой, как небо, купол, готического рисунка стрельчатые окна которого создавали ощущение легкой воздушности…

«…высится в Вятке собор. Стоит на горе, на просторе, он издали виден, сам видит далеко, над далью, простором, над городом, краем царит. Огромен, велик он, высок и массивен, но строен и нежен; в нем все гармонично. И кажется, он не из камня, будто он слит из металла. Обширный, он ничто не теснит, а как бы все, что вблизи и вдали, готов обнять, привлекает, зовет. Тяжелый, земли не давит, вознесся в высь и там, в воздушной синеве, недвижимо парит. При величии, при богатой отделке, он прост и близок богатым и бедным…» – восклицал один из современников духовной жизни Александровского храма.

«…этим храмом Вятка остается навсегда в памяти ее посетившего – он самый замечательный предмет в нашей стране, он один из лучших произведений искусства в нашем Отечестве, он наша гордость, наша слава!..» – согласно вторил ему другой…

На вечные века, на долгую память, напрягая силушку, собирая по копеечке народную денежку, завлекая к себе искусных мастеров с иных земель, три десятка лет возводили этот обетный собор святого Александра Невского деятельные наши предки. Иди поищи еще по российской провинции такую красоту – не сыщешь! Только короток оказался его век, слаба память потомков. Им бы все клубы, все песни да пляски – о душе незачем подумать. Да и некогда. Сначала революционные вихри веяли в голове, потом денежный соблазн все затмил, затуманил...

…Околели ладони от заиндевелого камня колонны, да и ногам стало зябко, маетно – только тут враз и опамятовал: где я, что? На соборной галерее освященного храма? Непохоже – уперся прямой взгляд в большую вывеску «Меха» над входной стеклянной дверью. И рядом, по грязно-желтым стенам – все афиши, все плакаты с зазывательными приглашениями на концерты заезжих певцов и танцоров, на всякую разную разъездную торговлю.

По стандарту прямоугольная, в три этажа коробка клуба – вожделенная мечта ярых комсомольских масс, а по современному языку – филармония возвышалась сейчас передо мной. С фонарными столбами на привходных дорожках, с голыми лиственницами, с чадящими машинами на отдаленной улице имени коммунистического вождя.

А кругом тонул в мокром снегопадном охвате бесприютный день равнодушного двадцать первого века…